REFERENCES

1. *Bordon S. V.* Formirovanie geohimicheskih anomalij v snezhnom pokrove urbanizirovannyh territorij // Litasfera. 1996. № 5. S. 172–177.

2. *Bojarkina A. P, Bajkovskij V. V., Vasil'ev M. V., Gluhov G. G., Medvedev M. A*. Ajerozoli v prirodnyh planshetah Sibiri. Tomsk: Izd. Tomskogo universiteta, 1993.

3. *Vorontsova A. V., Zarina L. M., Nesterov E. M.* Nekotorye novye dannye po zagrazneniju snezhnogo pokrova // Mezhdunarodnaja konferentsija «Geologija, geoekologija, evoljutsionnaja geografija»: Sbornik nauchnyh trudov / Pod red. E. M. Nesterova. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2011.

4. *Vorontsova A. V., Zarina L. M., Timirgaleev A. I.* Snezhnyj pokrov kak indikator povedenija tjazhelyh metallov // Geografija, geoekologija, geologija77: opyt nauchnyh issledovanij: Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii studentov i aspirantov, posvjashchennoj 90-letiju Dnepropetrovskogo natsional'nogo universiteta / Pod red. L. I. Zelenskoj. Kiev: GNPP «Kartografija», 2008. 518 s.

5. *Gracheva I. V.* Geoekologija snegovogo pokrova urbanizirovannyh territorij severnoj lesostepi Juzhnogo Urala: Dis. … kand. geogr. nauk. SPb., 2011.

6. *Nesterov E. M., Zarina L. M., Piskunova M. A*. Monitoring povedenija tjazhelyh metallov v snezhnom i pochvennom pokrovah tsentral'noj chasti Sankt-Peterburga // Vestnik MGOU. 2009. № 1.

7. *Fashutdinov M. G.* Formirovanie i dinamika geohimicheskih polej tjazhelyh metallov v uslovijah krupnogo promyshlennogo centra: Avtoref. dis. … kand. geogr. nauk. Kazan', 2004.

8. *Jaroshevskij A. A.* Primenenie matematiki v geohimii: nekotorye tipy zadach i metody reshenija // SOZh. Nauki o Zemle. 1996. № 7. S. 67–73.

9. *Nesterov E. M., Mocin V. G.* Geoecology of urban areas // Journal of International Scientific Publications: Educational Alternatives (www.science-journals.eu), Bulgaria. 2010. Vol. 8. Part 1. P. 89–95.

З. И. Сидоркина

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В СЛАБООСВОЕННОМ РЕГИОНЕ

Территориальная самоорганизация населения представлена как результат взаимодействия людей друг с другом и с территорией постоянного проживания, носящих случайных характер. В условиях самоорганизации происходит согласование отдельных активных частей социальной неравновесной системы, приводящее к отбору новых типов поведения населения. В работе приводятся виды и формы социальной самоорганизации: демографической, трудовой, неформальных видов, иммиграции, пространственной, этнической самоорганизации. Рассмотрены региональные отличия видов и форм социальной самоорганизации населения Дальнего Востока. Составлена картосхема сочетаемости возможных видов деятельности населения в регионе в условиях самоорганизации.

Ключевые слова: социальная самоорганизация, неустойчивость социальной системы, факторы и формы территориальной самоорганизации, сочетания видов деятельности.

Z. Sidorkina

Territorial Characteristics of Social Self-organization of Residents in the Poorly Developed Region

Territorial self-organization of the population is described as a result of human interaction with each other and with the territory of permanent residence. In the conditions of self- organization there takes place a coordination of separate active parts of the social non-equilibrium system, resulting in the selection of new types of behavior of residents. The paper

presents the types and forms of social self-organization: demographic, labour, informal, immigration, spatial, ethnic. The regional differences of kinds and forms of social self-organization of the population of the Far East have been regarded. A map scheme of compatibility of possible activities of the population in this region in the conditions of self-organization has been drawn.

Keywords: social self-organization, instability of social systems, factors and forms of territorial self-organization, a combination of activities.

В последние десятилетия внимание ученых привлекают процессы, происходящие в так называемых неравновесных диссипативных структурах, или структурах, далеких от равновесия. Считается, что разрабатываемая на этой основе теория, или парадигма, позволяет дать объективное объяснение процессам, определяющим материальную действительность. В науке о процессах самоорганизации — синергетике — главным является отношение к вопросу о детерминированности и индетерминированности природных и социально-экономических явлений. Растущий интерес к явлениям самоорганизации стимулируется полученными результатами на основе использования теории синергетики в естественных и гуманитарных науках.

Территориальная самоорганизация населения в социальной географии — это результат взаимодействия людей друг с другом и с территорией постоянного проживания на различных иерархических уровнях: макро-, мезо- и микроуровня. Из ранее опубликованных работ заслуживает внимания монография Г. А. Гольца, где в качестве закономерностей пространственной самоорганизации населения рассматривается взаимосвязанное развитие транспорта и размещения населения с позиций влияния «сверху — вниз» на процесс развития и функционирования подсистем [7].

В географии наиболее известными стали: работа В. А. Шупера, статья В. Л. Бабурина; монография «Глобальный город: теория и реальность» под редакцией Н. А. Слуки и др. работы [1; 8; 16], в которых изучаемые вопросы рассматриваются с позиций синергетического подхода в географии. Идеи самоорганизации применяются также в региональных исследованиях, в которых на уровне региона показана эффективность методов нелинейной динамики при исследовании экономических и социальных процессов [3; 9; 12; 13; 15].

В кризисных системах, к которым можно отнести социальную систему России, в отличие от стационарных, все процессы были быстротечны, мало предсказуемы и по этой причине очень важно с точки зрения теории социальной самоорганизации осмыслить все факторы и свойства самоорганизующихся социальных систем в регионах. Взаимодействие самоорганизации и организации имеет асимметричный характер, состоящий в том, что в каждый данный момент и в локальных, и в глобальных процессах эволюции преобладает то одно, то другое из этих импульсивных начал. В длительных исторических периодах преобладает самоорганизационное социальное начало.

Волновой характер исторического развития экономики. В экономической жизни отмечаются периодические изменения различных экономических показателей, называемые циклами Н. Д. Кондратьева. В соответствии с этими циклами в анализе российской истории Б. П. Безручко, А. А. Короновским и другими соавторами выделены развития пяти циклов (реформ — контрреформ). Эти циклы затрагивают также изменения в социальных, технологических, психологических сферах общества [4]. Помимо больших волн (с периодом 45–65 лет), выделяются циклы с меньшей продолжительностью (политико-деловой — 4–5 лет, деловой — 6–12 лет, строительный — 15–25 лет, цикл лидерства — 100–150 лет). Каждый из циклов начинался повышательной волной (соответствует либеральным рефор-

мам в России) и сменялся понижательной волной (проведение контрреформ). Ко времени понижательных волн отнесены время «Военного коммунизма» (1918–1920 гг.) и великого перелома (ликвидация рынка и замена его госмонополией, ликвидация столыпинского кулачества, продразверстка, начало форсированной индустриализации, насильственная коллективизация, массовые репрессии, карательное законодательство). При социализме самоорганизационные начала были вытеснены практически тотальным планово-административным управлением. Небольшое исключение составляли колхозно-кооперативные рынки. Последняя волна — период «Застоя» (1970–1980-е годы) — прекращение экономических реформ, новый виток гонки вооружения, начало войны в Афганистане [4].

Во время повышательных волн проводились реформы: аграрная реформа П. А. Столыпина, земская реформа и реформа местного самоуправления. В начале XX в. — введение в действие мероприятий НЭПа, как условие выхода из экономического хаоса [4]. Кроме того, произошли реформы Н. С. Хрущева — А. Н. Косыгина (XX съезд КПСС, создание совнархозов, экономическая реформа в промышленности и сельском хозяйстве); XIX конференция КПСС, Съезд народных депутатов СССР, преобразования в странах Восточной Европы. Экономические реформы конца XX века (введение института президентства, переход к многопартийности, рыночные реформы, курс на новый инновационно-технический уровень) [6].

В каждом цикле (волне) выделяются макропсихологические черты: процветание, спад, депрессия, восстановление. В период спада растет восприятие прямой угрозы; ограничено восприятие благоприятных возможностей; низка творческая активность; падают мотивация к обучению, к творчеству, стремление к риску; растет отчуждение и падение нравов. В период выхода из депрессии расширяется восприятие благоприятных возможностей; увеличиваются до максимума творческая активность и способность к обучению; растут стремление к риску и мотивация поступков; становятся значимыми экономические ценности [6].

Волновой характер заселения Дальнего Востока. В истории освоения и заселения Дальнего Востока отмечается согласованность с кондратьевскими и строительными циклами. Интенсивное освоение дальневосточных земель (1870–1896 гг.) начинается в период второго цикла Кондратьева и продолжается в третьем цикле [10]. Это соответствует волновым процессам заселения Дальнего Востока, рассматривавшимся в работах М. Т. Романова, Л. П. Богдановой, З. И. Сидоркиной [5; 11; 12]. Основная отличительная черта волнового характера состоит в том, что приток населения в регион связан с понижательными волнами соответствующего цикла.

Опыт показывает, что именно сейчас, в нисходящей фазе пятого кондратьевского цикла, связанной с кризисом в экономике, происходит создание, отбор и внедрение того нового, что определит развитие региональной экономики на 40–50 лет вперед. Примерами такого замещения были Россия в период НЭПа, инновационные курсы развития экономики Японии, Республики Корея, Сингапура и др.

Периферийные территории получают импульс развития тогда, когда снижается значение инвестиционных возможностей развития в центре. Определенную роль в освоении периферийных территорий играют также строительные циклы С. Кузнеца (15–20 лет), связанные с массовым обновлением жилых и производственных помещений. Они зависят от волновых изменений демографических процессов, обусловлены сменой поколений, ростом численности населения, внутренней и внешней миграцией.

Виды и формы социальной самоорганизации. В отличие от использования традиционного развития на основе влияния государственных структур «сверху — вниз», социально-экономические процессы в рамках социальной самоорганизации рассматриваются как виды деятельности, где отчетливо проявляются качественно новые виды поведения, основанные на направлении векторного развития «снизу вверх». Рассматривая демографические процессы в рамках теории самоорганизации, можно понять мотивы социального поведения людей: от чего они зависят, каковы возможности регулирования их направленности.

В частности, выделены и описаны виды самоорганизации: демографическая, трудовая, неформальная, пространственная, иммиграция, этническая самоорганизация [12].

Демографическая самоорганизация — репродуктивное поведение населения, выразившееся в изменении отношения к рождаемости (прокреативного) и к смертности (витального), — в значительной степени предопределила экономическая нестабильность. Население оказалось один на один со своими проблемами. В результате этого процесс самоорганизации выразился в падении рождаемости до уровня постиндустриальных стран, а увеличение смертности — до значений, характерных для государств третьего мира.

Результатом влияния самоорганизации в регионе следует считать отток населения, с 1990-х годов стабильно фиксируется отрицательное сальдо миграции, вызвавшей снижение численности уже более чем на 2,0 млн чел. Возросшему миграционному оттоку дальневосточников в центральные районы России способствовали экономическая депрессия, ухудшающаяся ситуация в сфере занятости, снижение уровня жизни населения, низкая социальная обустроенность территории. Из-за оттока квалифицированных кадров в другие регионы образовался дефицит в отраслях с использованием высококвалифицированного труда — в здравоохранении, образовании, ВПК, менеджменте и т. д.

Проявлением трудовой самоорганизации стало расширение форм занятости. Основной источник доходов дальневосточников — это заработная плата. В структуре трудовых отношений появились кроме легальных нелегальные виды деятельности. Широкое распространение получила вторичная занятость. При снижении жизненного уровня для многих лиц она является средством адаптации к новым условиям.

Ситуация в данное время во многом зависит от социальной активности населения, которая, например, повлияла на быстрое развитие образовательных услуг. Возможности получения образования, обучения в вузах на компенсационной основе обеспечили рост числа студентов в вузах, расширение перечня специальностей. По итогам всероссийской переписи 2002 г. высшее образование (на 1000 чел. населения старше 15 лет) имели в Приморском крае 158 чел. (в 1989 г. — 128 чел.), в Хабаровском — 174 чел. (на ту же дату — 133 чел.), в Камчатской области — 161 чел. (соответственно — 155 чел.). Но при этом следует учитывать, что при рыночной экономике при отсутствии государственного заказа на специалистов возможно по некоторым специальностям их перепроизводство. Новые формы отношений формируются в этнической самоорганизации. В условиях снижения государственного контроля активизировался иммиграционный приток из соседних стран.

Следует отметить региональные отличия, которые находят свое место в видах и формах самоорганизации дальневосточников. Во-первых, проявилась дифференциация экономических связей у предпринимателей. В северной части Дальнего Востока они направлены в европейскую часть России, а в южной — в соседние страны, граничащие с регионом. Во-вторых, усилилось перераспределение в сферах занятости в сторону сырьевого сектора экономики. Возникло множество мелких фирм по заготовке леса, по добыче рыбы и продаже их без переработки в соседние страны по демпинговым ценам, в сырьевом секторе

процветает браконьерство (частными и юридическими лицами). В-третьих, большая часть видов деятельности, возникающих спонтанно, связывается с усилением мобильности населения, в результате чего увеличилась ориентация населения на работу за границей, особенно в морском транспорте. В-четвертых, получило массовое развитие приграничное сотрудничество, ориентированное на внешний рынок. В-пятых, трансграничная миграция населения между Россией и Китаем сыграла существенную роль в «фактической интеграции», заложила основу для дальнейшей интенсификации всех трансграничных обменов в сфере торговли, инвестиций, туризма и рабочей силы.

Особенность самоорганизации на уровне одной семьи заключается в возможности переходить в территориальную самоорганизацию, а затем — в организацию деятельности макрорегионального масштаба. Социальная ситуация в ДВФО в данное время во многом зависит от социальной активности населения. В условиях Дальнего Востока в интеграционных процессах на микроуровне играют немаловажную роль бизнес-сети, созданные этническими китайцами, основанные на семейных и языковых связях. Интенсивно развиваются маятниковые миграции не только лиц активного возраста, но и пенсионеров, которые, являясь российскими гражданами, живут в Китае. Особенно характерны такие связи для г. Благовещенска (левый берег) и китайского г. Хэйхэ, расположенного на правом берегу Амура.

Важным с теоретической и практической точки зрения является соотношение организации и самоорганизации в территориальном экономическом и социально-демографическом развитии. Для разных мезорегионов РФ они будут существенно различаться, так как важную роль играет не только экономическая специализация регионов, но и совокупность факторов регионального развития, степень освоенности территории. В малозаселенных регионах, где не завершено формирование экономического развития, роль организации в управлении социально-экономическим развитием должна быть существенно большей.

Государственных инвестиций, которые привлекаются в дальневосточный регион (это не касается строительства нефте- и газопроводов), явно недостаточно. Объем финансирования программы «Дальний Восток» из федерального бюджета на поддержку ФЦП «Дальний Восток и Забайкалье» в 1990-х годах составил всего 10% запланированных средств [10]. Необходимы финансовые вложения в модернизацию предприятий, в развитие социальной сферы, особенно в строительство жилья. На локальном уровне у самоорганизации больше возможностей, чем на более высоких иерархических уровнях, где действует мощная поддержка финансовых и политических структур.

В условиях самоорганизации государство также изменяет свои методы управления. Например, в строительстве создаются саморегулируемые компании, поощряется государственное частное партнерство в культуре. Идея совмещения административного управления и рынка, рассматриваемая применительно к природопользованию в ресурсных районах, предполагает многоуровневую (направляемую) самоорганизацию, увязывающую в единое целое экономические, экологические и социальные структурные составляющие [14].

Важно подчеркнуть, что возникающие вследствие пространственно-временных сочетаний объективные условия жизни людей в течение длительного времени сохраняют специфические черты, приобретенные под влиянием природных и социальных условий. Комплекс природно-хозяйственных компонентов, свойственных конкретной территории, обусловливает определенный региональный тип хозяйствования. Сочетания возможных видов деятельности в условиях самоорганизации представлены на рисунке (картосхема составлена автором).

Сочетания видов деятельности в условиях самоорганизации населения

Направленность самоорганизации, соотношение и приоритет определенных форм обусловливаются социокультурной спецификой жизнедеятельности субъектов. Столкновение интересов и действий, в конечном счете, не разрушает взаимодействия, а приводит его к упорядоченности, обусловленной наличием общих целей и правил, разделяемых участниками. Основной целью становится обустройство жизненного пространства и обеспечение населению самостоятельности в выборе видов деятельности.

Самоорганизация отличается от организации многовариантностью решений на основе здравого смысла и жизненного опыта, меньшей предсказуемостью, является более свободной, в ней применяются практически понятные способы регламентации и контроля. Она служит дополнением к организации жизни, выступает как средство апробации новых социальных технологий, а отделение частной жизни от политической позволяет людям самим решать многие проблемы жизни. Разумное сочетание внешнего воздействия и собственных тенденций среды позволяет сформировать в ней необходимые структуры, способные к устойчивому функционированию и к адаптивному обновлению.

Необходимо отметить, что весь комплекс проблем, связанных с преобразованием отношений к собственности, рассматривается в качестве основной предпосылки самоорганизации. Каждый раз перед началом освоения новой территории происходил еще более важный подготовительный момент, без которого это было бы невозможно — формировалась новая форма собственности, повышающая эффективность управления за счет мотиваций людей и более активная капитализация средств населения на развитие крупных проектов [2]. Самоорганизация предполагает увязку прав на собственность и доходов с конкретными обязательствами, порождающими формы реальной экономической активности. Реформы успешно реализуются при условии, что желания населения и управляющих органов власти совпадают или согласуются. Такое совпадение отмечалось в начальный период заселения дальневосточных земель в виде наделения переселяющихся земельными наделами. Тем самым обеспечивалась охрана государственных границ самим населением, в первую очередь, — казаками. В случае, когда земля находится в собственности у населения, демографический контроль считается самым эффективным.

Направленность самоорганизации и соотношение ее форм обусловливаются социокультурной спецификой жизнедеятельности субъектов, поэтому в рамках общества самоорганизация нуждается в государственном внимании и коррекции. В демографическом развитии основные интересы государства связаны со стабилизацией демографического потенциала на основе повышения уровня и качества жизни, повышения доходов, увеличения занятости, что посильно также и для самоорганизации. Необходимы стимулирование и поддержка (в том числе ресурсная) одних спонтанных процессов и сдерживание и предупреждение других. Столкновение интересов и действий, в конечном счете, не разрушает взаимодействия, а приводит его к некоей упорядоченности, обусловленной наличием общих целей и правил, разделяемых участниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабурин В. Л.* Волновая динамика мировых городов // Глобальный город: теория и реальность. М.: Аванглион, 2007. С. 47–65.

2. *Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф.* История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее / Под ред. Г. Г. Малинецкого. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 288 с.

3. *Бердоносов В. Д., Свидерская В. В.* Синергетические аспекты демографической политики // Стратегия развития Дальнего Востока: возможности и перспективы. Политика и гражданское общество. Хабаровск, 2003. Т. 2. С. 56–60.

4. *Безручко Б. П., Короновский А. А., Трубецков Д. И., Храмов А. Е.* Путь в синергетику. Экскурс в десяти лекциях / Предисл. С. Миронова, Г. Малинецкого. М.: КомКнига, 2005. 304 с.

5. *Богданова Л. П.* Основные этапы формирования территориально-промышленных структур южной зоны Дальнего Востока // Территориально-хозяйственные структуры Дальнего Востока. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1982. С. 119–135.

6. *Вагурин В. А.* Синергетика эволюции современного общества: Сер. «Синергетика в гуманитарных науках». Изд. 3. М.: URSS, 2007. 216 с.

7. *Гольц Г. А.* Транспорт и расселение. М.: Наука, 1981.

8. Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н. А. Слуки. М.: Аванглион, 2007. 238 с.

9. *Каледин Н. В.* Проблемы и принципы теоретизации общественной географии // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова: Материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 4–8 мая 2010 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. С. 49–56.

10. *Леонов С. Н., Корсунский Б. Л., Барабаш Е. С.* Региональная экономика и управление: экономика Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2007. 176 с.

11. *Романов М. Т.* Территориальное устройство хозяйства и населения на российском Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 2004. 232 с.

12. *Сидоркина З. И.* Социально-географические аспекты самоорганизации населения/ География и природные ресурсы. 2007. № 2. С. 129–134.

13. *Сухомлинов Н. Р.* Страна и государство: две стороны одного процесса // Самоорганизация и организация власти: Материалы 4-го Всероссийского научн. семинара «Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе». Томск: Спектр ИОА СО РАН, 2000. С. 83–87.

14. Тарханов В. М., Мошков А. В. Совмещенные (управляемо-самоорганизуемые) системы природопользования. (Препринт.) Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 1999. 51 с.

15. *Ханин С. Е.* Поиск путей развития социально-экономической географии // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Г. Дружинина, В.Е. Шувалова: Материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 4–8 мая 2010 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. С. 126–134.

16. *Шупер В. А.* Синергетический подход к российской урбанизации // Постиндустриальная трансформация социального пространства России. М.: Эслан, 2006. С. 61–76.

REFERENCES

1. *Baburin V. L.* Volnovaja dinamika mirovyh gorodov // Global'nyj gorod: teorija i real'nost'. M.: Avanglion, 2007. S. 47–65.

2. *Badaljan L. G., Krivorotov V. F.* Istorija. Krizisy. Perspektivy: Novyj vzgljad na proshloe i budushchee / Pod red. G. G. Malinetskogo. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010. 288 s.

3. *Berdonosov V. D., Sviderskaja V. V.* Sinergeticheskie aspekty demograficheskoj politiki // Strategija razvitija Dal'nego Vostoka: vozmozhnosti i perspektivy. T. 2. Politika i grazhdanskoe obshchestvo. Habarovsk, 2003. S. 56–60.

4. *Bezruchko B. P., Koronovskij A. A., Trubetskov D. I., Hramov A. E.* Put' v sinergetiku: Ekskurs v desjati lektsijah / Predisl. S. Mironova, G. Malinetskogo. M.: KomKniga, 2005. 304 s.

5. *Bogdanova L. P.* Osnovnye etapy formirovanija territorial'no-promyshlennyh struktur juzhnoj zony Dal'nego Vostoka // Territorial'no-hozjajstvennye struktury Dal'nego Vostoka. Vladivostok: DVNC AN SSSR, 1982. S. 119–135.

6. *Vagurin V. A.* Sinergetika evoljutsii sovremennogo obshchestva: Ser. «Sinergetika v gumanitarnyh naukah». Izd. 3. M.: URSS, 2007. 216 s.

7. *Gol'ts G. A.* Transport i rasselenie. M.: Nauka, 1981.

8. Global'nyj gorod: teorija i real'nost' / Pod red. N. A. Sluki. M.: Avanglion, 2007. 238 s.

9. *Kaledin N. V.* Problemy i printsipy teoretizatsii obshchestvennoj geografii // Teorija sotsial'no-ekonomicheskoj geografii: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija / Pod red. A. G. Druzhinina, V. E. Shuvalova: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (Rostov-na-Donu, 4–8 maja 2010 g.). Rostov n/D: Izd-vo JUFU, 2010. S. 49–56.

10. *Leonov S. N., Korsunskij B. L., Barabash E. S.* Regional'naja ekonomika i upravlenie: ekonomika Dal'nego Vostoka. Vladivostok: Dal'nauka, 2007. 176 s.

11. *Romanov M. T.* Territorial'noe ustrojstvo hozjajstva i naselenija na rossijskom Dal'nem Vostoke. Vladivostok: Dal'nauka, 2004. 232 s.

12. *Sidorkina Z. I.* Sotsial'no-geograficheskie aspekty samoorganizatsii naselenija // Geografija i prirod. res. 2007. № 2. S. 129–134.

13. Suhomlinov N. R. Strana i gosudarstvo: dve storony odnogo protsessa // Samoorganizacija i organizacija vlasti: Materialy 4 Vserossijskogo nauchn. seminara «Samoorganizatsija ustojchivyh tselostnostej v prirode i obshchestve». Tomsk: Spektr IOA SO RAN, 2000. S. 83–87.

14. *Tarhanov V. M., Moshkov A. V.* Sovmeshchennye (upravljaemo-samoorganizuemye) sistemy prirodopol'zovanija. (Preprint.) Vladivostok: TIG DVO RAN, 1999. 51 s.

15. *Hanin S. E.* Poisk putej razvitija sotsial'no-ekonomicheskoj geografii // Teorija sotsial'no-ekonomicheskoj geografii: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija / Pod red. A. G. Druzhinina, V. E. Shuvalova: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (Rostov-na-Donu, 4–8 maja 2010 g.). Rostov n/D: Izd-vo JUFU, 2010. S. 126–134.

16. *Shuper V. A.* Sinergeticheskij podhod k rossijskoj urbanizatsii // Postindustrial'naja transformatsija sotsial'nogo prostranstva Rossii. M.: Jeslan, 2006. S. 61–76.

Е. И. Строкина

КОВЫЛЬ ПЕРИСТЫЙ В КАЗАЦКОЙ СТЕПИ (Курская область)

В работе представлены результаты исследования динамики растительных сообществ в Казацкой степи, являющейся частью Центрально-Черноземного заповедника им. проф. В. В. Алехина (Курская область). Проведена комплексная оценка роли одного из ведущих элементов флоры европейской лесостепи — ковыля перистого (Stipa pennata) — в составе растительного покрова и установлено, что данному виду не грозит исчезновение, в связи с чем сделан вывод о необходимости корректировки предлагаемых мероприятий по охране среднерусских луговых степей.

Ключевые слова: ковыль перистый (Stipa pennata); мониторинг растительного покрова; геоботаническое картирование; мезофилизация растительного покрова; изменение климата.

E. Strokina

Feather Grass in the Cossack Steppe (Kursk Region)

The article presents the results of research of dynamics of plant communities in Cossack steppe (part of the V. V. Alekhin Central Chernozem Biosphere Reserve, Kursk region). A comprehensive assessment of the role of one of the leading elements of the flora of the European forest steppe — feather grass (Stipa pennata) in the composition of the vegetation has been conducted. It has been determined that the species are not threatened with extinction, and therefore a conclusion is made on the need to adjust the proposed activities for the protection of Central Russian meadow steppes.

Keywords: feather grass; monitoring vegetation; geobotanical mapping; change the forest-steppe; climate change.